

О композиционном своеобразии прозы Б. К. Зайцева 1907-1917 годов

Елена Миронеско-Белова

Universidad de Granada
elenamb@ugr.es

Recibido: diciembre de 2006
Aceptado: febrero de 2006

Резюме

В статье рассматриваются особенности сюжетосложения в произведениях Б. К. Зайцева 1907-1917 годов, проявляющиеся прежде всего в двухплановом развитии сюжета – событийном и бытийном.

Ключевые Слова: Русская литература, Композиция.

Resumen

Sobre las peculiaridades de la organización argumental en la prosa de B. K. Záitsev de 1907-1917

En el presente artículo se analizan los rasgos peculiares de la composición y la trama en la obra literaria de B. K. Záitsev de los años 1907-1917, cuya característica principal constituye el desarrollo de la narración en dos planos: el superficial-contingente y el esencial-espiritual.

Palabras claves: Literatura Rusa, Trama literaria, Composición.

Abstract

Some compositional peculiarities in the fiction work of Boris Zaitsev 1907-1917

This article examines some of the defining traits of compositional organisation in the fictional work of Boris Zaitsev 1907-1917, which is characterised by the development of narrative along two dimensions: superficial, contingent and inward, essential.

Key words: Russian Literature, Composition.

Борис Константинович Зайцев (1881-1972) – один из наиболее ярких русских писателей начала XX столетия – оставил после себя большое литературное наследие и добрую память в сердцах тех, кто близко знал этого тонкого, чистого помыслами человека, замечательного представителя русской культуры Серебряного века.

Как никто другой смог отразить Зайцев чувства, сомнения, духовные поиски своих современников:

В героях Зайцева воплощены характерные черты русского народа. Это типичные русские люди, главным образом, русские интеллигенты, философы, созерцатели. Их смело можно включить в галерею старых литературных знакомцев, *лишних* людей Тургенева, Гончарова. Но больше всего они имеют общего с *неделающими сумрачными* людьми Чехова, различны только аккомпанементы, привнесённые авторами: у Чехова – печаль, безысходность, безнадежность, у Зайцева резиньяция, светлый оптимизм,¹ - отмечала критик Е. А. Колтоновская.

«Жизнь, смерть, привет! Любовь благословение!» Этот *привет* жизни со всеми её радостями и печальми, восприятие личной принадлежности к общей картине бытия, искреннее и глубокое религиозное – сначала чисто пантеистическое и позднее христианское - чувство, позволяющее ощутить на себе благодатное *божественное дуновение*, проникает в художественную ткань всех произведений Б. К. Зайцева как раннего периода его творчества (1901-1907), так и последующих этапов – 1907-1917 годов и позднего, эмигрантского, после отъезда писателя из России в 1922 году.

Естественно, что при общей философско-художественной доминанте на протяжении всего литературного пути Зайцева мы наблюдаем эволюцию его взглядов на различные аспекты бытия, которую сам Борис Константинович прекрасно осознавал и чётко определил в парижских автобиографических заметках 1943 года:

Когда перелистываешь написанное до революции и следишь за своим изменением во времени, то картина получается такая: возбуждённость первых лет понемногу стихает. Стремись несколько расширяться, ввести в круг писания своего не только природу, стихию, но и человека – первые попытки психологии (но всегда с перевесом поэзии). Отходит полная бессюжетность. Вместо раннего пантеизма начинают проступать мотивы религиозные – довольно ещё невнятно («Миф», «Изгнание») – всё же в христианском духе. Этот дух ещё ясней чувствуется в первом романе «Дальний край» (1912), полном молодой восторженности, некоторого прекраснодушия и наивности, - Италия вносит в него свой прозрачный звук. Критик назвал бы «Дальний край» романом «лирическим и поэтическим» (а не психологическим). К этой же полосе относится пьеса «Усадьба Ланиных», с явным оттенком тургеневско-чеховского (всегда внутренне автору родственного) и также с перевесом мистического и поэтического над жизненным.²

¹ КОЛТОНОВСКАЯ, Е. А.(1916): “Новое в литературе и искусстве”, *Русская мысль*, 12, с. 27.

² ЗАЙЦЕВ, Б. К.(1997): “О себе”, А. Ремизов, Б. Зайцев, *Проза*, Олимп, Москва, с. 664.

Изменение внутреннего, духовного содержания неизбежно отражается на авторском выборе художественных средств и на композиционном рисунке литературных произведений.

Критики отмечали, что в ранних рассказах Б. К. Зайцева есть *четвероногие*, есть небо, есть деревья. Всё это единое, то дробящееся на отдельные и как будто различные явления, то вновь сливающееся: “нет, или почти нет ощущения личности, нет человека. Есть последовательно хаос, стихия, земля, тварь и толпа ... А человека ещё нет”.³

Очевидно, было бы справедливее сказать, что до появления в 1908 году «Аграфены»⁴ - небольшой, но яркой и глубокой повести, заключающей собой ранний этап творчества писателя и открывающей новые горизонты, - в прозе Зайцева значительно понижена роль человека как носителя духовно-интеллектуального начала. Человек, без сомнения, существует, но лишь исключительно как часть Космоса, высшей органической природы. Такой тип героев раскрывался через особое сюжетное построение произведений.⁵ По мнению В. Я. Брюсова,

Идея, сюжет, характер, - эти три элемента, которые часто считаются самыми существенными для рассказов, совершенно отсутствуют у Зайцева. В его рассказах большей частью ничего не происходит, и его действующие лица мелькают, как неясные, слабо очерченные тени. Если придерживаться школьных делений, придётся сказать, что рассказы Зайцева относятся не к роду повествований, но к роду описаний.⁶

В творчестве после 1907 года писатель обращается к новому типу героев, которые начинают приобретать индивидуальные, конкретные черты, становятся более социально-детерминированными. Постепенно всё большую роль играет объективно-изобразительная манера письма, наполненная, как всегда у Зайцева, удивительно светлым, неповторимым лиризмом, так присущим таланту этого художника.

Хотя автор не отходит полностью от формы практически бесфабульных философских поэм-этюдов, таких как «Люди Божие» (1916)⁷, «Земная печаль»,⁸

³ ГИППИУС З. Н. (1907): “Тварное”, Весы, 3. с. 73.

⁴ Здесь и далее указаны установленные нами на основе архивных разысканий даты и место первых публикаций. «Аграфена» была напечатана в 4 выпуске альманаха «Шиповник», Санкт-Петербург, 1908.

⁵ См., в частности, КУРОЧКИНА, А. В. (2006): “Сюжетно-композиционная организация ранних рассказов Б. Зайцева”, *Наследие Б. К. Зайцева. Проблематика. Поэтика. Творческие связи*, Орловский государственный университет, Орёл, сс. 41-46.

⁶ БРЮСОВ, В. Я. (1907): “Зайцев. Рассказы”, Золотое Руно, 1, с. 88.

⁷ Рассказ «Люди Божие» вышел в свет в 1916 году в 1 книге альманаха «Стремнины».

⁸ В связи с тем, что многие произведения Б. К. Зайцева были впервые опубликованы в газетах и журналах начала XX века, а также из-за отсутствия архивных материалов установить точное время написания и публикации ряда произведений писателя представляется весьма затруднительным. «Мать и Катя» (1915), «Кассандра», «Бездомный». «Петербургская дама», «Богиня». «Маша» (1915) вошли в сборник «Земная печаль» (1916), а потому написание этих может быть отнесено к 1914-1916 гг. Непосредственно рассказ «Земная печаль» Л. А. Иезуитова датирует 1915 годом: ИЕЗУИТОВА, Л. А. (1990), «В мире Бориса Зайцева», Борис Зайцев. Земная печаль, Лениздат, с. 13.

⁹ Авторская датировка в тексте – 1 апреля 1917 года.

«Призраки»,⁹ лирических пейзажных зарисовок («Лето»), - тем не менее особое значение начинает приобретать сюжет, простейшим элементом которого выступает, как правило, не внешнее действие, а душевное движение. При этом ценность каждого элемента событийного ряда определяется степенью его влияния на создание особой лирико-философской *ауры* полотен художника. Поэтому, как тонко заметил Ю. Айхенвальд, “трудно передать содержание зайцевских рассказов, да его и нет, этого обыденного содержания, а есть человеческая музыка. и хочется только читать и выписывать все эти ласкающие слова.”¹⁰

Сюжет рассказов и повестей Б. К. Зайцева 1907-1917 годов строится обычно как путь героя к озарению, очищению через страдание, аристотелевскому катарсису. Завязка произведения нередко вынесена за пределы повествования, остаётся лишь чувство, настроение, следующие за ней: тоска Константина Андреевича после ухода Натали в «Спокойствии»,¹¹ грусть Нади по минувшему в «Жемчуге» (1910),¹² страдания Веры от разлуки с сыном в «Вечернем часе» (1913), и др. Как и завязка, развязка нередко выносится автором за рамки нарратива. Отметим, что такая фабульная незавершённость характерна для многих произведений русской литературы начала XX века.

Желание проникнуть в глубину мироздания заставляет *вечных скитальцев* рассказов и повестей Б. К. Зайцева отбросить от себя всё суетное, наносное, *бытовое*, земное, сковывающее дух, и отправиться в долгое странствие в поисках божественного Света. *Поиск-Ожидание* духовного очищения становится лейтмотивом зайцевской прозы, и именно раскрытию этой основной для всего творчества писателя идеи подчинено построение произведений 1907-1917 годов.

Погружая героев в поток жизни, писатель выбирает для своих произведений момент наивысшего эмоционального подъёма, ощущения героями «касания миром иным», когда они в тех или иных обстоятельствах начинают сознавать важность и оправданность любого проявления бытия. Это мгновение слияния с миром и его благословения может настичь героев в радости или скорби, в воспоминании («Жемчуг» (1910), «Осенний свет» (1918)¹³ или переживании новых ощущений («Спокойствие» (1909), «Вечерний час», «Путники» (1917),¹⁴ («Мой вечер»)(1909),¹⁵ при созерцании неярких русских полей или бессмертных творений итальянских мастеров эпохи Возрождения, а поэтому ситуации в зайцевской прозе одновременно и сходны, и различны.

Наиболее часто автор обращается к моменту встречи героев в их странствии в поисках ответа на вечные вопросы бытия. Типичной в этом отношении является повесть «Спокойствие». Как всегда в прозе Зайцева, *событийный* ряд лишь

---

¹⁰ АЙХЕНВАЛЬД, Ю. (1906): “Б. Зайцев”, *Силуэты русских писателей*, вып. 1, Научное слово, Москва, с. 212.

¹¹ Впервые опубликовано во 2 выпуске сборника «Земля» Московского книгоиздательства, Москва-Санкт-Петербург, 1909.

¹² Первая публикация – Новый журнал для всех, 15- январь (1910).

¹³ Впервые в 7 выпуске сборника «Слово» за 1917 г.

¹⁴ Впервые в 7 выпуске сборника «Слово» за 1917 г.

повод, отправная точка для развития внутреннего *бытийного* действия. Завязка, вынесенная за пределы повествования (уход Натали), определяет настроение Константина Андреевича, доминантой которого становится «спокойствие, уверенность в святости и счастливости человека». Истинная кульминация – момент духовного катарсиса – «Осень! Осень! Уйти в мир бескрайний, светлый, скорбный, в безвестность, бедность, одинокую жизнь. И зная час свой, принять его с улыбкой – незримая свеча в глубине сердца. Жизнь, смерть – привет, любовь – благословение», – совпадает с внешней, *событийной* кульминацией (встреча с Натали). Развязка также выносится автором за рамки нарратива – герою предстоит ещё многое пережить, неизвестно, что готовит ему судьба, какое чувство завладеет им в будущем.

В ряде случаев завязка наличествует в произведении, но является чисто формальной, например, приезд Мариэтт в повести «Сны» (1909)¹⁶. Вся жизнь швейцара Никандра, вызывающая у него чувство неудовлетворённости, и ожидание им невозможного чуда, подготовили его к немому и благоговейному поклонению Мариэтт:

Мариэтт, Мариэтт! Вы не знаете пьяных ночей, грубой сволочи, кабаков, участков, боли дикой. Вы цветёте в тишине, вы гиацинт за стеклом, ваши стройные ноги попирают землю легко, как триумфаторы прекрасного. Вот вы мелькнули в прихожей, блеснула и поплыла ваша прелесть дальше, навстречу весне, природе, чудесному, чего на земле являетесь носительницей.¹⁷

Авторский рассказ о жизни Никандра, о его неоднозначном характере, сочетающем основательность и степенность с удалью, «желанием ударить среди бела дня трепака, потопить трезвых, оставить пьяниц и уничтожить все дома, всех жильцов, порядок»,¹⁸ о его тоске по чему-то светлому, неземному, является своеобразной экспозицией повести.

В отличие от завязки и развязки экспозиционный момент очень важен в структуре зайцевских произведений. Экспозиция показывает жизнь персонажей как *предуготовление* к моменту озарения и слияния с миром. Подобная функция экспозиции ярко проявляется в повестях «Грех» и «Изгнание».¹⁹

То, что «с тринадцати лет Николай должен был зарабатывать, проходить через огонь и воду»,²⁰ определяет доминирующее настроение героя повести «Грех», противоречиво вмещающее в себя, с одной стороны, озлобленность, и с другой, жажду светлого, чистого. История преступной жизни Николая представляет собой

¹⁵ Первая публикация в «Утро России», 1909.

¹⁶ Впервые опубликовано в 1909 году в 9 выпуске альманаха Санкт-Петербургского издательства «Шиповник».

¹⁷ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1911): *Сны*. Рассказы, кн. III, Шиповник, Санкт-Петербург, с. 21.

¹⁸ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1911): *Сны*. Рассказы, кн. III, Шиповник, Санкт-Петербург, с. 22.

¹⁹ Оба произведения, вошедшие в сборник 1914 года «Усадьба Ланиных» относятся к периоду 1911-1914 гг. Л. А. Иезуитова датирует рассказ «Изгнание» 1914 годом: ИЕЗУИТОВА, Л. А. (1990), «В мире Бориса Зайцева», Борис Зайцев. Земная печаль, Лениздат, с. 13.

²⁰ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1914): *Усадьба Ланиных*. Рассказы, кн. IV, К. Ф. Некрасов, Москва-Ярославль, с. 157.

своеобразную экспозицию, наполненную внешним динамизмом. Кульминация - духовное очищение и возрождение героя на каторге – переносит внимание читателя с событийной стороны происходящего во внутренний мир персонажа.

В «Изгнании» экспозиция – рассказ Александра Ивановича о былой обеспеченной, но лишённой духовного начала жизни. Молодой адвокат, задыхаясь в «благоустроенной клетке», был готов к очищению и прозрению, даруемому Евангелием:

Я чувствовал, что сердце моё открывается необычайному сиянию Евангелия, вероятно, вечному сиянию, покорявшему миллионы, быть может, именно тогда, когда начинали они терять истинный жизненный путь. Ибо за всем грохотом культур есть ещё малая вещь – человеческое сердце, которое ищет незыблемого всегда, сколько бы не опьяняли его успехи и движение жизни. Такой вечно живой водой мне представлялось Евангелие. Если оно не указывало точного пути (или я не умел определить его), то, во всяком случае, подымало и возвышало необыкновенно. И утешало.²¹

«Без страсти и эффекта совершает свой бесшумный исход от жизни суетной к мудрости Евангелия»²² герой «Изгнания». Именно этот отказ от мира «тяжёлого», наполненного поверхностными, несущественными ценностями, - кульминация повести. Мир раздвинул свои горизонты, и Александр Иванович глубоко вдыхает его «истинный аромат». Как и в большинстве произведений 1907-1917 годов, писатель выносит развязку за пределы повествования – «что же будет дальше – увидим, что Бог пошлёт».²³

Эта фабульная незамкнутость в целом характерна для прозы Б. К. Зайцева данного периода. Автор лишь намечает дальнейшие пути героев, как, например, в финале романа «Дальний край» (1913)²⁴: «Сердце ему (Пете) говорило, что он ... будет стоять в рядах культуры и света, и насколько ему дано, проводить в окружающее эти начала. В этом его назначение».²⁵ Слова Пети, обращённые в конце романа к Елизавете – «Видишь, как беспредельна, сурова и печальна жизнь. Нам надо идти в ней ... туда, к тому пределу, который переступим в своё время и мы»,²⁶ - лейтмотив всего творчества писателя – выносят эмоциональное течение за рамки романа.

Такая же фабульная открытость наблюдается в повести «Мать и Катя» (1915).²⁷ Заключительное описание переживаний Кати наполнено надеждой,

²¹ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1916): *Рассказы. Земная печаль*, кн. VI, Книгоиздательство писателей в Москве, Москва, с. 20.

²² АЙХЕНВАЛЬД, Ю. (1906): «Б. Зайцев», *Силуэты русских писателей*, вып. 1, Научное слово, Москва, с. 204.

²³ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1916): *Рассказы. Земная печаль*, кн. VI, Книгоиздательство писателей в Москве, Москва, с.31.

²⁴ Часть 1 – в 20 выпуске петербургского альманаха «Шиповник», Петербург, 1913, 2 часть – в 21 выпуске этого же издания.

²⁵ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1915): *Дальний край*, Издательство К. Ф. Некрасова, Москва-Ярославль, с. 316.

²⁶ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1915): *Дальний край*, Издательство К. Ф. Некрасова, Москва-Ярославль, с. 318.

²⁷ Впервые в 1915 году в 4 выпуске сборника «Слово».

²⁸ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1916): *Рассказы. Земная печаль*, кн. VI, Книгоиздательство писателей в Москве, Москва, с. 51.

что «с годами, вкусив любовь, определяющую всю жизнь, сделавшись опытной, мудрее и, вероятно, печальнее, она с улыбкой, и кто знает? – пожалуй, с сочувствием вспомнит первый свой жизненный шаг».²⁸

Традиционно фабульно завершёнными являются произведения, описывающие всю жизнь героя от рождения до смерти. В этом случае исчерпанность событийного ряда совпадает с концом рассказа или повести. Такую фабульную закрытость мы встречаем в «Аграфене», «Елисейских полях», «Актёрском счастье», однако философский подтекст событий, невозможность постичь смысл жизни человеческой только через судьбу отдельного индивида позволяют автору раздвинуть рамки повествования и призвать читателя к совместным размышлениям о том, что в этом мире суетно и преходяще, а что вечно и освещено Божественным сиянием, и в конечном итоге прийти к выводу: «пусть люди несчастны, пусть жизнь жестока в ее случайных проявлениях, божественная первооснова ее блага и прекрасна».²⁹

Для выражения этой идеи в рассказе «Бездомный»³⁰ писатель прибегает к эффектному приёму включения после завершённой фабульной линии фрагмента, вводящего новый персонаж. Параллелизм между ним и умершим героем рассказа подчёркивает мысль об общей человеческой участи.

Эксплицируют это мироощущение и повторяющиеся, рефренные эпизоды. Так, в начале повести «Путники» уверенный в себе Казмин, рассматривая Елену, делает вывод о её неустроенности: «Вы шальная годовушка. Очень неосновательное существо».³¹ Пройдёт совсем немного времени, и сама Елена поймёт, что такое же «неосновательное существо» и пугавший её ранее «благоустроенный» Казмин. «Головушка вы моя горькая», – будет жалеть она Андрея Афанасьевича, глядя на его слёзы, как недавно жалел он её, плачущую и бездомную.

Другой эпизод повести – гроза – выполняет несколько иную функцию. Он является как бы вступительным и финальным аккордом в поездке Казмина к Ахмакову. В грозу провожает Алексея Кирилловича Казмин, договорившись с ним, что обязательно приедет, если это понадобится Ахмакову: «Ударила гроза. Молния заливала белым и зелёным светом станцию, платформу, берёзы сзади, телеграфистов в окне».³² Именно здесь отправная точка *странного* и *страннического* путешествия Казмина. Такая же гроза в ночь, когда умер Ахмаков, становится концом поездки, но не завершением поисков дороги в неведомый «дальний край». Это параболическое размещение обрамляющих эпизодов в совокупности с глубоким религиозным звучанием придаёт произведениям Зайцева строй и атмосферу духовной притчи. Позднее

²⁹ КОЛТОНОВСКАЯ, Е. А. (1916): «Б. Зайцев», Русская литература XX века, т. III, Мир, Москва, с. 79.

³⁰ Входит в сборник «Усадьба Ланиных» 1914 года.

³¹ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1918): *Путники*. Рассказы 1916-1918 годов, кн. VII, Книгоиздательство писателей в Москве, Москва, с. 26

³² ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1918): *Путники*. Рассказы 1916-1918 годов, кн. VII, Книгоиздательство писателей в Москве, Москва, с. 11.

этот *житийный* контрапункт найдёт максимальное выражение в чисто агиографических описаниях «Преподобный Сергей Радонежский» (1925), «Алексей Божий Человек» (1925), «Сердце Авраамия».

Однако, как правило, жизнь героя дана не в последовательном, линейном изложении, а пунктирно, посредством своеобразного монтажа эпизодов, релевантных для духовного развития и достижения слияния с душой мира. Как справедливо заметила Е. Колтоновская,

В каждом из них запечатлён короткий этап, иногда даже момент глубоких и важных переживаний, но воспринимается он всегда как часть большого цельного, волнует своей значительностью, вызывает ощущение жизни, заставляет о ней думать. Конкретные этапы, по обыкновению у Зайцева, отравлены печалью, иногда острой болью, но над каждым из них царит некто единый, благой, побеждающий злые случайности и утешающий, связывающий разрозненные мгновения и направляющий к определённой цели.³³

Подобное построение в целом характерно для лирической прозы и входит в арсенал художественных средств многих русских писателей-импрессионистов. В рассказах «Елисейские поля», «Актёрское счастье», «Бездомный» через освещение лишь основных, кардинальных, духовно значимых событий в судьбе персонажей автор даёт возможность читателю самому воссоздать общую картину их жизни и подводит к осознанию ценности всего сущего, причастности каждого человека, каким бы незначительным он не был, к общему круговороту бытия. И именно эти *событийно-бытийные* всполохи отличают повесть «Аграфена», в которой автор останавливается на отдельных моментах жизни героини, на состоянии её души на определённых этапах «земного пути».

А путь этот горек и труден. В огромном, сложном, противоречивом пространстве мучаются и радуются, любят и умирают, разочаровываются и вновь мечтают и жаждут чуда, тоскуют и ждут «касания миром иным» герои прозы Б. К. Зайцева 1907-1917 годов. Мельчайшие элементы общей картины мира, подчинены они действию, казалось бы, стихийных, необъяснимых сил, хаотично передвигающих их в универсуме и сталкивающих как бы случайно на безграничных просторах бытия. Но каждое событие самоценно и оправданно, любая даже самая, на первый взгляд, незначительная встреча может привести к необычайному эмоциональному взрыву, к духовному прозрению.

А потому исключительно важным элементом сюжетосложения становится ситуация встреча героев во время их странствий в поисках смысла бытия. Так, пересекаются дороги *вечных скитальцев* Елены и Казмина («Путники»). Сталкивая на несколько дней чужих, но ставших «товарищами по общему делу» людей, автор разводит их в разные стороны – у каждого свой путь, «и если они встретились, то лишь на минутку, чтобы разойтись навсегда». К Тихону Задонскому идёт Елена, находит смысл жизни в любви Казмин.

³³ КОЛТОНОВСКАЯ, Е. А. (1916): «Б. Зайцев», *Русская литература XX века*, т. III, Мир, Москва, с. 72.

После многолетней разлуки встречаются Петр Ковалёв и Нина Андреевна Карстен («Осенний свет»). Вспоминая ушедшую юность, Ковалёв начинает ощущать бег времени, нелепость каких-либо «хозяйственных дел» перед «туманным круговоротом бытия». Смысл жизни в любви, в слиянии с природой, в началах вечных и изменчивых одновременно.

Такое же озарение, духовное обогащение через воспоминание о минувшем приходит к Наде в рассказе «Жемчуг». Это слияние с миром через воспоминание о прошедшем всегда оваяно у писателя особенным лирическим настроением. Внешнее действие вызывает чувство ностальгии по ушедшей молодости, грусти о несбывшихся мечтах, раздумья о «карнавале бытия».

В стремлении показать мгновение максимального эмоционального подъёма писатель не может обойти вниманием людей, с которыми сталкивается тот или иной герой, так как именно они, их судьбы, поступки, переживания, часто вызывают поток ассоциаций, чувств, цепь размышлений, без которых невозможно постичь «подоплёку человеческого существования». Поэтому нередко повести и рассказы 1907-1917 годов многонаселены, причём даже самый незначительный, на первый взгляд, персонаж играет исключительно важную роль для внутренней эволюции лирического героя.

В полиаспектных и полифонических повествованиях «Спокойствие», «Сны», «Актриса»³⁴, «Вечерний час», «Актёрское счастье» художник стремится показать движение мысли и чувства героя, вызванные столкновениями с людьми, событиями, свидетелем или участником которых он был. Отчётливо очерченный центральный герой повести или рассказа, раскрытый с удивительной психологической точностью (Константин Андреевич из «Спокойствия», Анна Михайловна из «Актрисы», Вера из «Вечернего часа», и др.) контрастирует в конкретизации с только абрисно намеченными персонажами либо с бесплотными светлыми видениями, лишёнными очертаний и как бы растворяющимися в тумане воспоминаний. Натали («Спокойствие»), Мариэтта («Сны»), Горич («Актриса») – образы, не несущие самостоятельного действия, их художественная функция - вызвать определённое чувство, внутреннее движение героя, создать неуловимую психологическую атмосферу, лирическую ауру произведения, увлечь за собой читателя в мечту, поток воспоминаний, таинственность.

«Все жизненные нити образуют узел в многострунном сердце поэта, как моменте, идеально объединяющем вселенную»,³⁵ и все жизненные столкновения, переплетения людских судеб создают сложнейшую ткань общей картины бытия. На уровне художественного выражения это проявляется в удивительной *графичности* композиции зайцевских полотен.

В «Спокойствии», «Вечернем часе», «Актрисе» и многих других повестях и рассказах Б. К. Зайцева магистральная линия лирического героя оказывается пересечённой множеством штриховых линий второстепенных персонажей. Таковы

³⁴ Первая публикация – в альманахе «Шиповник», выпуск 14, Санкт-Петербург, 1911.

³⁵ АЙХЕНВАЛЬД, Ю. (1906): «Б. Зайцев», *Силуэты русских писателей*, вып. 1, Научное слово, Москва, с. 208.

³⁶ Впервые напечатано 1918 году в 8 книге сборника «Слово».

путь Веры («Вечерний час»), Анны Михайловны («Актриса»). В «Спокойствии» путь Константина Андреевича пересекается путями Яшина и его сына, Феди и Тумановой, Марианны, Семёнова, Любы и др.

В многонаселённой, полифоничной повести «Голубая звезда» (1918)³⁶ скрещивание и последующее расхождение путей героев вызывает ощущение круговорота бытия, в реку жизни вливаются множество ручейков, и все они по-своему ценны. Сквозь причудливое переплетение судеб Машуры, Анны Дмитриевны, Никодимова, Ретизанова, Лабунской проходит основная линия – лирического героя повести, alter ego самого писателя – Христофорова.

Иногда Б. К. Зайцев ведёт линии своих героев почти параллельно, что подчёркивает идею всеобщей человеческой участи. Уже в «Аграфене» писатель создал образ молодой грустной барыньки, «голову которой повевала печаль – ровесница всему миру», судьбу которой во многом повторяет, казалось бы, не имеющая с ней ничего общего, деревенская женщина Аграфена. В повести «Маша» параллелизм судеб доведен до предела – Маша и Лиза родились в один и тот же день, одна – в деревне Кочки, и другая – в усадьбе Кочки, они получают различное образование, не похожи их внешность и характер, однако их жизни, переживания, огорчения, разочарования, одиночество и неустроенность оказываются во многом сходными. Эта общность подчёркивается финалом повести, когда пути героинь, как часто происходит у Зайцева, параболически сходятся в отправном пункте – обе возвращаются в родные места, откуда в своё время разошлись их дороги.

По принципу переплетения идущих рядом путей построен роман «Дальний край». Но если в «Маше» пути героинь встречаются в начальной и конечной точке странствий, создавая типичный для зайцевской прозы параболический рисунок, то в «Дальнем крае» линии судеб Пети и Лизаветы, Клавдии и Степана, Алёши и Анны Львовны постоянно пересекаются и в финале расходятся в разные стороны. Это связано с идеей общего поиска смысла жизни и различными выводами, к которым приходят герои.

Пути героев романа обусловлены их внутренней сутью, «правдой», носителями которой они являются. С «правдой любви», общения и слияния с природой связаны любимые автором образы Пети и Лизаветы. Переживая Первую русскую революцию 1905 года как нравственный подъём, живительную силу, молодые люди не могут принять разрушение, насилие, кровь. «Правда» не в революции, – убеждаются Лизавета и Петя и уходят в конце романа в путь к неведомому, но так манящему «дальнему краю».

Рядом с линией Пети и Лизаветы идут пути Алёши и Анны Львовны. «Правда» этих эпикурейцев заключается в радостной игре, наслаждении жизнью без рефлексий, больших привязанностей и трагических переживаний. Они также проходят через увлечение революционной борьбой и отходят от неё, когда

³⁷ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1915): *Дальний край*, кн. V, Издательство К. Ф. Некрасова, Москва-Ярославль, с. 68.

революция перестаёт быть игрой и становится серьёзным делом, требующим всего человека.

Подвиг во имя ближнего – «правда» Степана и Клавдии, путь которых, безусловно, самый сложный и противоречивый в романе. Идея подвига, владеющая Степаном, берёт начало в его «жгучей любви, братской любви ко всему миру, от Волги до Клавдии».³⁷ С самого начала Степан знает, ради чего живёт и готов к самопожертвованию. Однако стезя революционной борьбы, неизбежно связанной с насилием, оказывается неприемлемой для героя. Убийство девочки потрясает молодого человека, он чувствует, что в его стремлении служить людям что-то было неверным, подвиг не может быть окрашен в кровавые тона, в его основе должны лежать смирение, покорность и любовь к ближнему. Степан остался верен своей «правде» подвига, но она наполнилась иным содержанием:

Теперь в его сердце сияла любовь к Евангелию, Христу. Эта любовь, принимая в себя как море большую реку, его прежнее народолюбие и сочувствие угнетённым, освещала их необыкновенным светом. Она давала объект поклонения – жизнь Христа, она давала путь к искуплению совершённого, путь к подвигу.³⁸

Таким образом, начав повествование с момента, когда герои стоят на пороге жизни, Б. К. Зайцев показывает, как пройдя через испытание революцией, сначала несущей мажорное настроение, а затем оборачивающейся своей кровавой, жестокой стороной – невинными жертвами, черносотенными погромами, разгулом реакции, - пути героев резко расходятся в разные стороны.

Нередко писатель использует приём фиксации момента пересечения дорог *странников* («Студент Бенедиктов»,³⁹ «Жемчуг», «Осенний свет», «Петербургская дама», «Путники»). Прошлое и будущее персонажей лишь смутно угадывается, пути, приводящие их к встрече нередко случайны и необъяснимы, однако сам момент встречи исключительно важен, поскольку позволяет переосмыслить своё земное существование, услышать симфонию бытия. Так, встреча со стариком-плотогоном в рассказе «Студент Бенедиктов» помогает герою преодолеть свою отдельную трагедию, слабость и ощутить в себе силы для духовного возрождения.

Надо отметить, что поворот Б. К. Зайцева к объективно-изобразительной манере письма, наметившийся в 1907-1917 годах, ни в коей мере не означает, что его произведения потеряли лиризм и поэтичность, так свойственные его художественной манере. Каждое событие внешней, бытовой жизни является импульсом для создания лирической волны, определённой философской атмосферы. Лирическая проза, как правило, декоративна, склонна к описательности. Для писателя главное какие оттенки настроения, переливы чувств вызывает пейзаж, интерьер или красочный фон.

Переживание встречи с природой всегда вызывает у героев Зайцева философскую рефлексию. Зайцевские импрессионистские пейзажи построены

³⁸ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1915): *Дальний край*, кн. V, Издательство К. Ф. Некрасова, Москва-Ярославль, с. 304.

³⁹ Первая публикация в сборнике «Слово», 1913 год, выпуск 1.

на едва уловимых переходах; краски, как правило, неярки, смутны, как бледно-зелёные акварели; контуры предметов часто размыты, как бы теряются в дымке, остаётся лишь колорит, чувство: «дымно-розовые облака выступили над садом», «бледные облака одели землю в светло-перловые облачения», и др. Как справедливо отметил В. Комарович:

Писатель с утончённой чувственной восприимчивостью, он (Зайцев) видит мир в сложном сплетении мелких подробностей, трудно уловимых глазом и слухом нюансов, расплывающихся очертаний, убегающих вдаль и растворяющихся там в небытии, как и неопределённый свет утра, как тихие сумерки осени. Это сложная амальгама запахов, звуков, красок.⁴⁰

В идейно-композиционном плане пейзажи в произведениях 1907-1917 годов выполняют множество функций. Как правило, природа олицетворяет мир непреходящего, вечного, понять который стремятся люди – «точки на гигантской ткани бытия»:

Живите, заблуждайтесь, страдайте\, как бы говорили они (облака), - мы плывём, над нами благоухают леса, мы даём этот сырой, туманный вечер, когда в горах жутко и сиротливой селения по склонам. Мы плывём и таем. Мы жизнь – настоящая, вечная жизнь («Вечерний час»)⁴¹

Зачастую созерцание природы выступает контрастом к суетным, малозначительным с точки зрения вечности делам:

Человеческие руки возводили своё дело – перила, пол; что-то страшное было в этой заботе об устройстве жизни. Сюда через несколько месяцев переберётся его мать, чтобы, наверное, тут умереть, провлача несколько тёмных и бесцветных лет ... Луна же катит над ними свой загадочный, туманный лик, не то насмешливый, не то грустный, Ей видна была и его жизнь, стоящего здесь человека («Осенний свет»)⁴²

Всё то же, всё то же. Двадцать тысяч лет пройдёт, так же будет опадать лист лип, так же будут вечно веть, и корова такая же побредёт. Мы же всё хлопочем, женимся, родим и занимаемся жизненными делами («Осенний свет»)⁴³

Пейзаж вызывает мысль о круговороте бытия, в котором жизнь людей представляется «вечными сменами», а мир природы – прочным, истинным. Такую философскую нагрузку несёт итальянский пейзаж в «Спокойствии», описание весны в горах в «Вечернем часе», осенний лес, овеванный поэзией увядания в «Осеннем свете».

Однако пейзаж не только служит источником создания эмоциональной атмосферы, но и выступает в качестве своеобразного аккомпанемента к переживаниям героев («Вечерний час», «Осенний свет», «Дальний край»), окрашивая особым светом каждый эпизод. Так, смутные серебристые дали, туман над глухим лесным озером, осенний сад

⁴⁰ КОМАРОВИЧ, В. Б. (1916): “Зайцев. Тихие зори. Рассказы”, *Современный мир*, 11/II, с. 134.

⁴¹ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1914): *Усадьба Ланиных. Рассказы*, кн. IV, Издательство К. Ф. Некрасов, Москва-Ярославль, с. 114.

⁴² ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1918): *Путники. Рассказы 1916-1918 годов*, кн. VII, Книгоиздательство писателей в Москве, Москва, с. 121.

⁴³ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1918): *Путники. Рассказы 1916-1918 годов*, кн. VII, Книгоиздательство писателей в Москве, Москва, с. 113.

⁴⁴ ЗАЙЦЕВ, Б. К. (1914): *Усадьба Ланиных. Рассказы*, кн. IV, Издательство К. Ф. Некрасов, Москва-Ярославль, с. 113.

– созвучны элегическому настрою героя «Осеннего света», его ностальгической грусти по ушедшей юности.

В прозе Зайцева созерцание природы не только импульс к определённом душевному движению, и сам человек, связанный с окружающим его миром незримыми, но неразрывными узами, способен проецировать на природу свои чувства, томления и ожидания:

Приближается весна. Больше фиалок в ущелье, в Сант-Анне зацвёл вереск, в голубоватых далях над морем появилось что-то волнующее: быть может, это мы навязываем природе свои весенние томления, - думает Вера («Вечерний час»)⁴⁴

Хотя писатель уже не стирает грань между автором и лирическим героем, в ряде произведений личность самого автора раскрывается достаточно полно (Петя в «Дальнем крае», Христофоров в «Голубой звезде»). В подобном соотношении автора и героя Б. В. Михайловский видел ослабление эпического начала прозы, сказывающееся в «обильном применении *erlebte Rede*, где изложение только по видимости ведётся с точки зрения повествователя, а фактически приурочивается к точке зрения героя, и автор не возвышается над своим героем».⁴⁵ Ещё менее очевидна граница между автором и героем в философских этюдах-размышлениях «Земная печаль», «Призраки».

Характерно, что в прозе 1907-1917 годов Б. К. Зайцев отходит от типично импрессионистической формы повествования в настоящем времени, свойственной лирическим рассказам раннего периода и позволявшей ему вызвать у читателя ощущение сопричастности всему происходящему, дать изображаемое в непосредственном восприятии и в сиюминутности, сделать нарратив более экспрессивным, подчеркнуть самоценность каждого мгновения бытия. Но при этом, безусловно, в значительной степени закрывался общий философский фон, было сложнее достичь обобщения, проследить эволюцию души. В то же время, повествование в прошедшем времени, свойственное эпическим жанрам, позволяет осмыслить не отдельный эпизод, мгновение, а всю жизнь человеческую, сконцентрированную в одном моменте. А потому писатель обращается к совмещению обоих временных планов: в повести «Аграфена» восприятие событий самой деревенской женщиной и объяснение, толкование их внутреннего смысла повествователем сочетается с развитием действия в разных временных пространствах – настоящем, с точки зрения Аграфены, и прошедшем, с точки зрения повествователя.

О чём бы не писал Б. К. Зайцев, всегда жизнь окутана у него лиризмом, изображаемое – таинственное, волнующее, манящее своей загадочностью и скрытой глубиной. Эта лирическая волна заполняет не только прозу, но и драматургию Б. К. Зайцева 1907-1917 годов.

⁴⁵ МИХАЙЛОВСКИЙ, Б. В., (1939): *Русская литература XX века* (с 90-ых годов XIX века до 1917 года), Учпедгиз, Москва, с. 95.

⁴⁶ Впервые в альманахе издательства «Шиповник», выпуск 15, 1911.

⁴⁷ ВЕРШИЛОВ, Б. (1959): Страницы воспоминаний. Евг. Вахтангов. *Материалы и статьи*, ВТО, Москва, с. 40.

В пьесах Зайцева подчёркнуто мало действия, стержнем сценичности являются переливы чувств действующих лиц. Это своеобразные, написанные в элегических тонах, рассказы в диалогах, в которых автор избегает сгущения красок, острых драматических столкновений. Через все трагические коллизии плывёт волна умиротворённого лиризма, стирающего грани между радостями и скорбями, наполняющая сердце приятием и благословением всего сущего. При постановке «Усадьбы Ланиных» (1911)⁴⁶ режиссёр Е. Вахтангов так формулировал суть этого драматургического произведения:

Мошь любви. Весна. Радость. Опыянение весной – действие пьесы. Что-то, что опыяняет, - это надо создать и идти отсюда. И каждый опыяняется по-своему, каждый действует. Жизнь. Усадьба Ланиных точка этой жизни.⁴⁷

Без всякого сомнения, исследование литературного наследия Бориса Константиновича Зайцева, не смотря на появление в последние годы значительного количества научных работ, посвящённых этому замечательному художнику слова, находится ещё только в начале пути. Богатство языка, художественные средства, философские мотивы, эстетические концепции и стилистическое своеобразие полотен Зайцева, его место в русской культуре начала XX века и значение для развития литературного процесса русского зарубежья – эти и многие другие линии изучения творчества писателя ждут своего продолжения.